

Д.В.Журавлев

ПРАВОСЛАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТРАДИЦИОНАЛИЗМ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В АКТУАЛЬНОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РПЦ

Ключевые слова: РПЦ, православие, либерализм, права ЛГБТ, религия, политические ценности

Введение

В последние годы в России ведутся активные дискуссии как о государственно-конфессиональных отношениях, так и о целом ряде конкретных социальных и правовых сюжетов, волнующих и религиозных, и нерелигиозных представителей общественности, как то гендерное равенство, права ЛГБТ, допустимость аборт и суррогатного материнства и др. При этом одной из особенностей современной ситуации является все более частая апелляция к традиционным ценностям. Важнейшим глашатаем подобных ценностей и идейного традиционализма *per se* в публичном пространстве выступает Русская православная церковь¹. В своих заявлениях и проповедях церковные иерархи не просто ссылаются на традиционные ценности, но и противопоставляют их ценностям либеральным, постулируют их обязательность и безальтернативность для православной идентичности, нередко переводя проблему в идеологическое русло. В связи с этим напрашивается вопрос: какое содержание вкладывает РПЦ в данное понятие? Что определяет в ее глазах «традиционность» той или иной ценности? Где проходит граница между конфессиональными представлениями об этической нормативности и проводимой государством политикой?

Попытка очертить традиционные ценности просматривается в утвержденных в 2000 г. Архиерейским собором РПЦ «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» — одним из ключевых документов, артикулирующих официальную позицию РПЦ по широкому кругу вопросов, касающихся политической и социальной жизни. Однако если мы обратимся к тем ценностям, которые транслируются церковными деятелями в публичное пространство, то увидим, что они нередко включают в себя противоречивые, а то и вовсе несовместимые элементы. Кроме того, для продвижения традиционных ценностей задействуются государственные механизмы регулирования публичной

¹ См. Stoeckl 2016; Agadjanian 2017.

политики и законотворческий процесс, что неизбежно ведет к политизации соответствующего понятия, обрастающего совокупностью политических смыслов и значений. Следствием такой политизации становится формирование своего рода антилиберальной идеологии, порождающей разногласия в самой церковной среде.

Для того чтобы разобраться в ценностных установках РПЦ, мы предлагаем прибегнуть к понятию «традиционализм», задействовав при его операционализации идею Рональда Инглхарта о ценностях самовыражения (self-expression values) как ключевом условии становления и поддержания эффективной, или качественной, демократии².

² Инглхарт, Вельцель 2011: 221—222.

Концепция Инглхарта предполагает наличие двумерной системы культурных координат, включающей две шкалы измерения ценностей. Ценностям самовыражения в ней противопоставлены ценности выживания, тогда как антитезой традиционных ценностей выступают ценности секулярно-рациональные. Тем не менее по целому ряду параметров традиционные ценности прямо противоположны ценностям самовыражения. В связи с этим в настоящем исследовании мы будем трактовать как традиционалистские именно ценности, противостоящие ценностям самовыражения. Если, согласно Инглхарту, ценности самовыражения включают в себя принятие разнообразия (diversity) и инноваций, доверие к Другому, толерантное отношение к меньшинствам, в том числе сексуальным, признание гендерного равенства и прав ЛГБТ, политический активизм и т.д.³, то в качестве традиционалистских нами будут рассматриваться ценности, отрицающие индивидуальное самовыражение и предполагающие навязывание и воспроизводство определенных социальных практик в рамках мыслимого «традиционного мироустройства» (нетерпимость к инаковости, склонность к авторитаризму, акцент на следовании общепринятым нормам, а не индивидуальным устремлениям, гендерная дискриминация, гомофобия и иные формы интолерантности, неприятие аборт и эвтаназии и т.п.).

³ Inglehart, Norris 2003.

При изучении конструирования политических смыслов в актуальном публичном дискурсе РПЦ нами будут использоваться два ключевых маркера: 1) отношение к либерализму (либеральным ценностям) как воплощению ценностей индивидуального самовыражения; 2) позиция по вопросу о правах сексуальных меньшинств (ЛГБТ-сообщества). Эти маркеры выбраны потому, что они позволяют зафиксировать степень инклюзивности политических взглядов, уровень открытости к ценностям индивидуального самовыражения.

Эмпирическую базу исследования составят официальные документы РПЦ, отражающие ее позицию по социально-политическим вопросам, официальные заявления различных синодальных отделов и церковных иерархов, в том числе предстоятеля РПЦ, а также высказывания представителей православной интеллигенции, продвигающих альтернативную повестку церковно-общественного диалога. Мы проанализируем дискурсивные формы употребления ключевых понятий, связанных с выделенными маркерами, с целью выявления в них

атрибутов традиционалистского сознания (в описанном выше значении) и рассмотрим контекст политизации конфессиональной этической нормативности. Это позволит перейти от трактовки православной идентичности как не более чем конфессионально-религиозной принадлежности, находящей выражение в различного рода практических действиях (посещение богослужений, участие в церковных таинствах и т.п.), к интерпретации ее как традиционалистской в политическом смысле слова, сопряженной с формированием своеобразной политической теологии и политизацией конфессиональных представлений о морали.

**Концепт
либерализма
в риторике
церковных
спикеров**

Несмотря на непосредственную связь либеральных идей со сложившейся в современной мире концепцией прав человека, в упоминавшихся выше «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» понятие либерализма/либеральных ценностей в принципе отсутствует. Вместе с тем в документе постулируется, что само представление о правах и свободах человека базируется на Библии: «В современном светском правосознании одним из доминирующих принципов стало представление о неотъемлемых правах личности. Идея таких прав основана на библейском учении о человеке как образе и подобии Божиим, как онтологически свободном существе <...> Права на веру, на жизнь, на семью являются защитой сокровенных оснований человеческой свободы от произвола посторонних сил. Эти внутренние права дополняются и гарантируются другими, внешними — например, правами на свободу передвижения, получение информации, создание имущества, обладание им и его передачу»⁴.

⁴ *Основы 2000: IV.6.*

Примечательно, что, признав онтологическую свободу человека, авторы «Основ» подчеркивают, что в результате процессов секуляризации «высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом»⁵. Подобная амбивалентность характерна и для других церковных документов: соглашаясь с наличием неотчуждаемых прав и свобод человека и находя этому принципу теологическое обоснование, РПЦ критикует секулярную реализацию этих прав и свобод. Так, в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятых Архиерейским Собором РПЦ в 2008 г. в развитие основ ее социальной концепции, наряду с тезисом о свободе человека как образа и подобия Божия присутствует оговорка, что «свобода выбора не есть абсолютная и конечная ценность <...> Признавая ценность свободы выбора, Церковь утверждает, что таковая неизбежно исчезает, когда выбор делается в пользу зла»⁶. Под злом при этом понимается грех и нарушение божественных заповедей, что, по сути, означает: в качестве зла может рассматриваться любое действие, если оно не соответствует нормам православной этики. Не случайно уже в этом документе мы видим критику института прав человека, поскольку он, «защищая свободу выбора, все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха»⁷.

⁵ *Там же: IV.7.*

⁶ *Основы учения 2008: II.1.*

⁷ *Там же: II.2.*

В качестве нравственного норматива выступает традиционное православное понимание этики, отраженное в Священном Предании, причем критическая рефлексия о нем в документе отсутствует. Предание рассматривается как нечто завершенное, не подверженное изменениям и «осовремениванию». Между тем в богословских кругах идут активные дискуссии о Предании (*Traditio*) и его интерпретации в современных социально-политических условиях. Так, некоторые теологи высказывают мнение, что мораль как таковая не зависит от Церкви, но является результатом человеческого поиска, направленного на достижение общего блага, доказывая, что «заинтересованность верующих в нравственности должна стать ревностным стремлением к благополучию общества, а не защитой лишь установившихся взглядов»⁸. Подобные дискуссии объясняются, в частности, тем, что представления о морали тесно связаны с историческим и культурным контекстом и, соответственно, менялись по мере развития человечества, в том числе и в рамках самого христианства: например, целый ряд высказываний Отцов Церкви, равно как и церковных канонов, отвечают реалиям и установкам своей эпохи⁹.

⁸ Хейз, Джирон 2007: 438.

⁹ *Вполне показательно в этом плане отношение раннехристианских Отцов Церкви к рабовладению (Шафф 2011: 82—85).*

В контексте нашего исследования особый интерес представляют упоминания либеральных ценностей первыми лицами РПЦ, поскольку их риторика зачастую воспроизводится на низших ступенях церковной иерархии.

В 2014 г. в публичных выступлениях патриарха Кирилла появляется идея «великого синтеза» всего наилучшего, что было в истории России: «Думаю, что мы должны взять из различных исторических периодов все по-настоящему значимое и ценное. Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX-го, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии „правые-левые“». Синтез, который можно описать формулой „вера — справедливость — солидарность — достоинство — державность“»¹⁰.

¹⁰ Слово Святейшего Патриарха 2014.

¹¹ Журавлев 2016а.

¹² *Неправительственная организация, созданная в 1998 г. по инициативе Московского Патриархата с целью представления в публичном пространстве «традиционных религий» России — христианства (православия), ислама, буддизма и иудаизма. На данный момент почетным председателем Совета является патриарх Руси Кирилл.*

Обращает на себя внимание эклектичность приведенного высказывания (характерная, впрочем, и для публичной риторики российских властей¹¹). При этом вопреки отчетливо прозвучавшему в нем стремлению редуцировать оппозицию «правые—левые» и занять центристские позиции, объединив носителей различных ценностных установок, в последующих заявлениях и публичных высказываниях представителей РПЦ неоднократно высказывалось осуждение либерализма и либеральных ценностей.

Так, после террористического акта в редакции французского еженедельника «Charlie Hebdo» в 2015 г. Межрелигиозный совет России¹² выступил с заявлением, в котором, наряду с осуждением терроризма как «противоправного и отделенного от морали агрессивного насилия»,

говорилось: «По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека стали осмысливаться вне связи с сакральным измерением жизни, а охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия, открывая путь аморальности, вседозволенности, анархии и тирании. *Мы не одобряем либерально-секулярный, релятивистский подход к осмыслению свободы, согласно которому не существует абсолютных ценностей и критериев* (курсив наш. — Д.Ж.), а благосостояние — это единственное, к чему имеет смысл стремиться»¹³.

¹³ *Заявление Межрелигиозного совета 2015.*

Несмотря на отсутствие конкретизации употребляемых авторами понятий, либерально-секулярные ценности предстают в документе в качестве ведущих к «аморальности» и «вседозволенности» в противовес ценностям «абсолютным», что вступает в противоречие с позитивным правом свободы самовыражения, поскольку религиозное явно противопоставляется секулярному в своем ценностном обосновании. Между тем даже внутри христианских конфессий нет единого мнения относительно того, какие именно моральные ценности и исходя из каких критериев следует считать абсолютными и непреложными, о чем свидетельствуют, в частности, серьезные дискуссии в христианском мире по вопросам этики и нравственной теологии¹⁴.

¹⁴ *См., напр. Aquino 2012; Edles 2013; Ó Féich, O'Connell 2015.*

В 2017 г. во время посещения Киргизско-Российского славянского университета имени Б.Н.Ельцина в Бишкеке патриарх Кирилл заявил: «Само слово „либерализм“ происходит от слова „свобода“, и многим доньше кажется, что общество, построенное на основе либерализма, является идеальным и никаких иных ограничений человеческой свободы не требуется. С моей точки зрения, это глубочайшее заблуждение, которое приводит *современную цивилизацию, построенную на либеральных принципах, к глубокому духовному, культурному и политическому кризису* (курсив наш. — Д.Ж.)»¹⁵. Данное высказывание как нельзя лучше отражает общий тон употребления концепта «либерализм» в выступлениях церковных спикеров: как правило, либерализм и либеральные ценности противопоставляются моральным нормам, трактуемым в качестве «традиционных».

¹⁵ *Слово Святейшего Патриарха 2017.*

Соответствующий подход отчетливо просматривается, например, в докладе председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС МП) митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) на V пленуме Христианского межконфессионального консультативного комитета. Говоря о причинах революции 1917 г., владыка упомянул в том числе о распространении «идей либерального толка»: «В предреволюционный период год за годом, под влиянием разных факторов Божия правда как основа народной жизни замешалась правдой человеческой. Евангельский принцип любви к Богу и ближнему — гедонистическими и эгоистическими фантомами. Образ Христа как идеал для подражания — фигурами бунтарей и богоборцев. *Модные идеи либерального толка становились популярнее Евангелия* (курсив наш. — Д.Ж.). Разврат и пьянство — нормой жизни. Такие понятия, как целомудрие, благочестие, верность долгу, любовь к Родине, все чаще подвергались

¹⁶ Доклад 2017.

осмеянию. Критика властей любого уровня стала правилом хорошего тона. Террор — привычным явлением»¹⁶. Из приведенной цитаты видно, что «либеральные идеи» трактуются как нечто несовместимое с Евангелием и ставятся в один ряд с гедонизмом, эгоизмом, развратом, пьянством, критикой властей и, наконец, распространением террора как метода политической борьбы. В свою очередь, им противопоставляются моральные ценности в виде целомудрия, благочестия, верности долгу, любви к Родине. По сути, речь идет об объявлении либеральных ценностей противоположными высоким нравственным идеалам.

¹⁷ Слово митрополита 2017.

В подчеркнуто отрицательном ключе понятие «либеральные ценности» употреблено и в выступлении Илариона в университете г. Фрибурга (Швейцария) по случаю первой годовщины встречи в Гаване папы Римского Франциска и патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Православные и католики должны, наконец, прийти к осознанию того, что старая психология соперничества <...> должна уступить место братскому сотрудничеству перед лицом вызовов, с которыми наши Церкви сталкиваются в Европе, где *под видом продвижения идей толерантности, демократии, насаждения либеральных ценностей развязано настоящее гонение на христианство и традиционные нравственные ценности* (курсив наш. — Д.Ж.)»¹⁷. В данном случае либеральные ценности (поставленные в один ряд с идеями толерантности и демократии) преподносятся как причина «гонений» на христианство и традиционные нравственные ценности в Европе. С целью легитимации своего заявления митрополит апеллирует к Совместной декларации патриарха Кирилла и папы Франциска. При этом остается не совсем ясным, на какое именно место в Совместной декларации ссылается церковный иерарх, поскольку ни одно из упоминаемых им понятий (либеральные ценности, толерантность, демократия) в ней не встречается, а о гонениях на христианство говорится исключительно в контексте распространения радикальных экстремистских идеологий в странах Ближнего Востока и Африки¹⁸. Более того, поскольку Римско-католическая церковь занимает по отношению к указанным концептам иные позиции и в публичном дискурсе использует другую стилистику¹⁹, подобное совместное осуждение в принципе крайне сложно представить.

¹⁸ Совместное заявление 2016.

¹⁹ Подробнее см. Богачев 2014; Журавлев 2016б.

В то же время следует обратить внимание и на антитоталитарную риторику Илариона, выражающуюся, в частности, в жесткой критике Иосифа Сталина и его политики: «Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли в этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством. Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛАГом и гитлеровской системой лагерей смерти»²⁰.

²⁰ Митрополит Иларион 2015.

То есть, осуждая либеральные ценности, демократию и толерантность, церковный иерарх не менее жестко осуждает созданную Сталиным систему управления и развязанные им политические репрессии, что вполне можно трактовать как критику сталинского режима с либеральных и гуманистических позиций (основания которых, как показано выше, усматриваются в христианской антропологии). Подобное противоречие, на наш взгляд, может быть обусловлено отсутствием концептуализации рассматриваемых понятий в современной православной мысли, следствием чего становится контекстуальное использование тех или иных речевых оборотов. Как правило, либеральные ценности противопоставляются ценностям нравственным, причем в отсутствие концептуализации оба понятия употребляются прежде всего в *символическом* ключе²¹ как нечто само собой разумеющееся — и а priori противоположное.

²¹ *Подробнее о символическом толковании политических нарративов см. Мусихин 2015: 132.*

Проблематика прав ЛГБТ-сообщества в публичном дискурсе РПЦ

Как уже упоминалось, Инглхарт относит признание прав ЛГБТ-сообщества к числу установок, благоприятствующих формированию эффективной демократической модели. Сходной точки зрения придерживается британский социолог Энтони Гидденс. Развивая идеи Зигмунда Фрейда, Вильгельма Райха, Мишеля Фуко и Герберта Маркузе, он рассматривает демократизацию как смещение в сторону частной жизни, одной из важнейших характеристик которой является «интимность»²². Интимность в данном случае выступает как атрибут самовыражения, не допускающий давления на частую жизнь со стороны государства или общества, в том числе в целях понуждения к воспроизводству социальных практик, трактуемых как традиционные. В рамках нашего исследования особый интерес представляет политизация темы интимности в дискурсе РПЦ, проявляющаяся, в частности, в интолерантной риторике различных церковных иерархов по отношению к сексуальным меньшинствам, имеющей не столько теологические, сколько политические последствия.

²² *Гидденс 2004.*

Говоря о гендерном мейнстриме в российском православии, прежде всего следует отметить скудость эмпирических данных по этой теме. Изучая ее авторам в лучшем случае приходится ссылаться на официальные документы РПЦ, а также на заявления и комментарии ее представителей. Зачастую гендерная тематика в православии подменяется вопросом о женском священстве (возможности принятия женщинами священного сана). Среди немногих исследователей, затрагивавших проблему ЛГБТ в контексте православной религиозности, можно выделить Елену Мезенцеву, Николая Митрохина, Константина Михайлова, Валерия Созаева, Гелен Зоргдрагер и Кристину Ковальскую²³.

²³ *Мезенцева 2007; Митрохин 2009; Michajlov 2013; Zorgdrager 2013; Созаев 2013, 2014; Ковальская 2014.*

Заявление об «осуждении гомосексуальных половых связей» учением Церкви присутствует уже в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»²⁴. В подтверждение этого тезиса авторы документа ссылаются на книги Бытия и Левит, послания апостола Павла к Римлянам и Коринфянам, «Учение двенадцати апостолов», а также

²⁴ *Основы 2000: XII.9.*

на высказывания ряда церковных деятелей и мыслителей, самым поздним из которых является Максим Грек, живший в XV—XVI вв. Ссылки на какие-либо современные богословские и библиистские исследования по данной теме в «Основах» отсутствуют. Нет их и при дальнейшем обсуждении проблемы сексуальных меньшинств.

Заслуживает внимания и появление в «Основах» понятия «пропаганда гомосексуализма» («...Церковь осуждает всякую пропаганду гомосексуализма. Не отказывая никому в основных правах на жизнь, уважение личного достоинства и участие в общественных делах»²⁵). Как отмечает Михайлов, «это один из самых ранних случаев употребления этого понятия в официальном документе, на три года опережающий первый законопроект о запрете пропаганды гомосексуализма, внесенный депутатом Госдумы Александром Чуевым в 2003 году»²⁶. И хотя вопрос о знакомстве Чуева с «Основами» остается открытым, это тем не менее позволяет предположить влияние церковной позиции на законотворческий процесс.

Как правило, в публичных высказываниях церковных иерархов декларируется нравственная неприемлемость легализации однополых браков, не говоря уже об усыновлении детей однополыми парами. В качестве примера можно привести следующий пассаж из выступления митрополита Илариона в Совете Федерации 31 мая 2017 г.: «Религиозное образование может стать *надежным заслоном от идеологии нравственной вседозволенности*, которая активно проникает к нам с Запада. Когда у людей не остается ничего святого, *когда однополые сожительства законодательно приравниваются к брачному союзу между мужчиной и женщиной, когда гомосексуальным парам позволяют усыновлять детей* <...> когда легализуется эвтаназия как удобный способ избавиться от лишних людей, будь то больных или престарелых, в этом невозможно не увидеть *глубокую нравственную болезнь западного общества* (курсив наш. — Д.Ж.)»²⁷. Как и в случае с концептом либерализма/либеральных ценностей, митрополит задействует понятие нравственной вседозволенности, перенося полемику в область практической этики. В то же время сам характер выступления (не в рамках церковной проповеди, а в органе государственной власти) предполагает политизацию темы нравственности, апелляцию к государственным механизмам для ее защиты. Это коррелирует и с актуальным дискурсом российских властей после принятия Государственной Думой VI созыва закона № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». Важно отметить, что 20 июня 2017 г. Европейский суд по правам человека признал этот закон дискриминирующим людей по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности и нарушающим ст. 10 и ст. 14 Европейской конвенции по правам человека²⁸.

²⁵ Там же.

²⁶ Michajlov 2013: 90.

²⁷ Выступление 2017.

²⁸ Case 2017.

В другом выступлении митрополит Иларион заявил, что «в западном обществе традиционный семейный уклад, по сути дела, разрушен, следствием чего является постепенное сокращение численности западных народов. Это очень простой и реальный показатель духовного здоровья или духовной болезни того или иного народа. <...> И болезнь в данном случае заключается в том, что в обществе отсутствует традиционное представление о семье (курсив наш. — Д.Ж.)»²⁹. Подобная риторика церковного иерарха, по мнению Зоргдрагер, направлена на формирование образа «сильной российской нации», которой «угрожает болезнь из-за границы». De facto речь идет о противопоставлении якобы «сильного, здорового, маскулинного российского государства деградированным, больным, феминизированным государствам Западной Европы»³⁰. Помимо всего прочего, такое противопоставление уклада является в логику дюркгеймовской механической солидарности, базирующейся на бинарной оппозиции «свой — чужой»³¹, и может рассматриваться как попытка консолидировать вокруг себя сторонников за счет маркирования «внешнего врага» («чужого») и его демонизации.

Довольно примечательно в данном контексте заявление, с которым выступила Служба коммуникации ОВЦС МП после легализации однополых браков во Франции и Великобритании. Наряду с уже привычной критикой подобного шага («Юридическое признание гомосексуальных союзов и приравнивание их к браку является революцией в сфере законодательных норм, регулирующих семейные отношения, в том числе касающихся налогообложения, образования, здравоохранения, воспитания детей и др. <...> Особенно опасной представляется законодательная норма, позволяющая гомосексуальным союзам усыновлять и воспитывать детей»), в нем приводится и такой аргумент: «В странах, вставших на путь радикального пересмотра традиционной семейной этики, этот процесс уже привел к тяжелейшему демографическому кризису, который с каждым годом углубляется»³². При этом остается только гадать, какой именно «кризис» и в каких странах имеется в виду, поскольку какие-либо данные, подтверждающие это утверждение, в заявлении отсутствуют. Это в очередной раз демонстрирует символический характер используемой РПЦ риторики, предполагающий не обоснование некоей позиции, а убеждение сторонников, в том числе посредством эмоционального воздействия.

Сходную реакцию со стороны РПЦ вызвало выступление ЮНИСЕФ в защиту законодательного признания однополых браков³³. В опубликованном в связи с этим заявлении Патриаршая комиссия по вопросам семьи упрекает Детский фонд ООН в поддержке «явлений и подходов, лишенных прочных международно-правовых оснований и противоречащих традиционной культуре большинства народов, а также нормам естественной и религиозной нравственности»³⁴.

Важно отметить, что подобные гомофобные заявления официальных представителей и структур РПЦ зачастую воспринимаются ультраконсервативной частью паствы и различными околоцерковными

²⁹ Митрополит Иларион 2012.

³⁰ Zorgdrager 2013: 228.

³¹ Дюркгейм 1996.

³² Заявление Службы коммуникации 2013.

³³ Eliminating Discrimination 2014.

³⁴ Заявление Патриаршей комиссии 2014.

субкультурами экстремистской направленности как призыв к силовым действиям. Как справедливо отмечает Алексей Зыгмонт, «атака на ЛГБТ-мероприятие — самый популярный „жанр“ актуального насилия у православных националистов. Это, например, избивание журналистки Елены Костюченко членом СПХ (Союза православных хоругвеносцев — Д.Ж.), стычка после акции „День поцелуев-2“, приуроченной к рассмотрению Государственной Думой закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, погром в гей-клубе „7freedays“ и многое другое»³⁵. Примечательно, что погром в гей-клубе был публично одобрен игуменом Сергием (Рыбко) — одним из известных в медийном пространстве священников РПЦ³⁶. Вместе с тем никаких санкций и прещений по отношению к участникам этих акций со стороны священноначалия РПЦ не последовало, несмотря на заявления церковных иерархов о недопустимости насилия.

³⁵ Зыгмонт 2014: 128.

³⁶ Альянс 2012.

Таким образом, публичные спикеры РПЦ, как правило, высказывают негативное отношение к правам ЛГБТ, что находит отражение в некоторых официальных документах и заявлениях РПЦ. Большинство высказываний церковных деятелей на тему ЛГБТ несут гомофобный характер, а сама полемика, как и в случае с либеральными ценностями, переносится из правовой области в область этическую. Параллельно в актуальном дискурсе РПЦ происходит *политизация этического*: конфессиональные представления о нравственном транслируются в сферу публичной политики. РПЦ выступает в поддержку законопроектов, направленных против реализации прав сексуальных меньшинств, не реагирует на радикальные суждения священнослужителей и смотрит сквозь пальцы на насильственные действия представителей различных субкультур и групп, публично декларирующих свою принадлежность к православию.

ЛГБТ и сама проблематика сексуальной идентичности рассматриваются как «враждебные» православной этике, сексуальные меньшинства маркируются как «содомиты»³⁷, конструируется образ «опасного Другого». В рамках подобного дискурса под осуждение попадают не только российские правозащитные организации, но и международные институты уровня ООН, равно как и сама современная концепция прав человека.

³⁷ Подробнее см. Зыгмонт 2014

Полемика внутри РПЦ по вопросам церковной политики

Отмеченный выше традиционалистский поворот церковной верхушки породил полемику внутри самой РПЦ по поводу приемлемости подобного вектора. Эта полемика развернулась не только в кругу теологов, религиоведов и священнослужителей, но и среди обычных верующих, в том числе в пространстве социальных сетей.

За последние годы в самой популярной российской социальной сети «ВКонтакте» появилось много групп (пабликов), сосредоточенных на церковной тематике, например «Типичный теолог», «АПС/Академия порядочных семинаристов», «Оскорбленный верующий», «Православные шутят!» и др. Контент этих пабликов рассчитан на верующих людей

и не содержит критики религии *per se* (что отличает их от схожих пабликов, позиционируемых как атеистические). Вместе с тем в них иронически рассматриваются реалии современной жизни РПЦ, иногда достаточно жестко критикуются церковная система и/или высказывания иерархов. Важно, что и администрация этих пабликов, и многие подписчики хорошо разбираются в церковных канонах и христианской догматике и непосредственно знакомы с внутрицерковной ситуацией. В результате подобные интернет-площадки становятся местом для выражения альтернативных мнений о происходящем в РПЦ, тем более что значительная часть верующих лишена возможности как-то иначе публично выразить свою позицию и сделать ее видимой для церковного руководства. Заслуживают внимания и специализированные сайты, такие как *ahilla.ru* или *altarniki.ru*, на которых публикуются критические рассказы верующих (в том числе анонимные) о церковных делах и выражается несогласие с курсом, который проводит руководство РПЦ. При этом многие из публикующихся на данных ресурсах авторов являются бывшими или нынешними священнослужителями, сотрудниками епархиальных управлений, семинаристами или просто людьми с богословским образованием, что не позволяет заподозрить их в некомпетентности. Как правило, набор устоявшихся практик и неформальных правил, действующих внутри РПЦ, обозначается ими как «система».

С критикой этой «системы» и антилиберальной позиции церковного руководства публично выступил и ряд православных интеллектуалов, включая некоторых из тех, кто принимал непосредственное участие в разработке «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», — Андрей Зубов, Андрей Десницкий, Сергей Чапнин и др. Наиболее ярко основной тезис, объединяющий критиков церковной системы, сформулировал протодиакон Андрей Кураев: «Путь от гонимых к гонящим проходит очень быстро. При этом вопрос о том, а что именно в позавчера вызвало вчерашние гонения на христиан, совесть сегодняшних христианских деспотов³⁸ и политтехнологов не тревожит»³⁹. По сути дела речь идет о том, что РПЦ, которая сама была жертвой гонений со стороны тоталитарного режима, превращается в «гонителя» тех, кто выражает несогласие с актуальным курсом ее руководства, в том числе в сфере церковно-государственных отношений. Некоторые православные интеллектуалы и общественные деятели уже подверглись санкциям за свои политические высказывания и критику церковной верхушки. Сам Кураев был отстранен от преподавания в Московской православной духовной академии за «выступления в средствах массовой информации и в блогосфере с эпатажными публикациями»⁴⁰. По распоряжению патриарха Кирилла с поста ответственного редактора «Журнала Московской Патриархии», основного и официального издания РПЦ, был уволен Чапнин. Это увольнение последовало за выступлением Чапнина в Московском центре Карнеги с докладом «Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые», где, в частности, говорилось об укреплении в РПЦ правого крыла,

³⁸ *Имеются в виду епископы, от греч. Δεσπότης — «владыка».*

³⁹ *Кураев 2016.*

⁴⁰ *Состоялось 2013.*

проповедующего идею «священной войны», об отсутствии критики этого крыла со стороны священноначалия, а также об исчезновении идеологического многообразия и утверждении в публичном пространстве Церкви единоличного мнения патриарха Кирилла⁴¹.

⁴¹ Чапнин 2015.

⁴² См., напр. Кнорре 2014; Кнорре 2016.

На усиление в РПЦ милитаристского и антилиберального дискурса обращают внимание и исследователи Церкви⁴². Данная тенденция вызывает серьезное беспокойство либерально настроенных православных интеллектуалов. «Нынешнее церковное руководство, — с сожалением отмечает Зубов, — явно позиционирует себя сторонником нынешнего режима. И это, в общем, нарушает церковные принципы в том смысле, что Церковь вне политики <...> Церковь ни в коем случае не должна заниматься преследованием инакомыслящих, натравливанием каких-то там активистов на противников церкви и так далее. Это совершенно выходит за пределы церковной жизни»⁴³.

⁴³ Историк Андрей Зубов 2016.

Показательно, что либеральные критики РПЦ не приемлют и упомянутой выше политизации конфессиональных представлений об этической нормативности, постулируя правовое равенство людей вне зависимости от их религиозной принадлежности и убеждений. Так, рассуждая о правах ЛГБТ, Зубов подчеркивает: «Хочешь — пожалуйста, живи мужчина с мужчиной. Не хочешь — создавай многодетную семью, пособие будет. Никто ничего не запрещает, человек граждански свободен (курсив наш. — Д.Ж.). <...> Это как раз по глубине своей христианский принцип. Потому что основа христианского подхода — это внутренняя свобода человека, богоподобного существа»⁴⁴. То есть, не отказываясь от тезиса об онтологической свободе человека как образа и подобия Божия, Зубов и его единомышленники разделяют конфессиональные убеждения и позитивное право, единое для всех граждан, акцентируя светский характер государства. Следует отметить, что такую позицию занимают и отдельные церковные иерархи, и ее отзвуки можно найти в некоторых документах РПЦ.

⁴⁴ Мы погубим 2014.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что риторика РПЦ зачастую носит *символический* характер, базируется на авторитете и тем самым маргинализует любой другой вид дискуссии, будь то научный или теологический. При этом она отличается эклектичностью и амбивалентностью: с одной стороны, Церковь осуждает насилие и признает онтологическую свободу человека (что находит обоснование в христианской антропологии), с другой — маркирует всех, кто не разделяет ее ценностных установок, как «врагов» и конструирует образ Другого, что само по себе, по справедливому замечанию Регины Шварц, является формой насилия⁴⁵. Анализ публичных документов и заявлений представителей РПЦ показывает, что, несмотря на декларацию надполитического характера своей позиции, преодолевающей дихотомию «левые — правые», РПЦ занимает конкретную политическую нишу, отстаивая традиционалистские установки.

⁴⁵ «Насилие — это не только то, что мы делаем по отношению к Другому <...> Насилие — это само конструирование Другого» (Schwartz 1997: 5).

Риторика, используемая церковными спикерами, явным образом противоречит принятым в современном мире представлениям о правах человека и различным версиям либеральной демократии. Более того, дискурсивные формы, которые приобретают в церковной риторике концепты либеральных ценностей и прав ЛГБТ, скорее разрушают, чем укрепляют взаимопонимание между людьми. Именно в этом, на наш взгляд, и кроется одна из причин агрессивного поведения радикальных групп православных верующих, которые не ограничиваются призывами к насилию, но и прибегают к нему, не чувствуя какого-либо осуждения со стороны церковного руководства, что не только не способствует планомерному демократическому развитию страны, но и ставит под угрозу общественную безопасность.

Вместе с тем среди определенной части православных верующих и церковных деятелей формируется альтернативная повестка, основанная на критике санкционированного церковной иерархией антилиберализма. Примечательно, что эта критика носит внутрицерковный характер и строится на религиозных (богословских) аргументах. Особое недовольство верующих, критикующих сложившуюся «систему» с христианских позиций, вызывает противодействие церковного руководства плюрализму мнений и публичная поддержка церковными иерархами политического режима и партии власти (при формально декларируемой внеполитичности). Ключевой площадкой для выражения позиции мирян и рядовых священнослужителей, не согласных с официальным курсом РПЦ, становится интернет.

Важной темой в рамках политологии и социологии религии является выявление корреляции между уровнем религиозности и политическими ценностями, а также степенью толерантности/интолерантности по отношению к различным аспектам социальной и политической жизни. В настоящем исследовании мы не касались религиозности как таковой, обращаясь исключительно к дискурсивным проявлениям ценностных установок официальных представителей РПЦ и верующих, объявляющих себя православными. Понимая, что священнослужители и иерархи, стоящие на отличных от официальной позициях, едва ли широко представлены в медийном пространстве, мы попытались очертить лишь общие контуры актуального дискурса РПЦ по двум выделенным нами маркерам традиционализма. Как представляется, в дальнейшем было бы полезно расширить анализ этого дискурса за счет привлечения других маркеров традиционалистских ценностей, таких как патриотизм, авторитарные ориентации или закрытость к инновациям.

Библиография

Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ просит провести проверку гомофобных заявлений игумена Сергия (Рыбко). 2012 (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2012/11/d25917/>).

Богачев М.И. 2014. Современные Римско-католическая и Русская православная церкви о свободе и демократии // *Государство, общество,*

церковь в истории России XX века: Материалы XIII Международной научной конференции. Ч. 1. — Иваново: Ивановский государственный университет. С. 303—309.

Выступление председателя ОБЦС митрополита Волоколамского Илариона на пленарном заседании Совета Федерации. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4920021.html>).

Гидденс Э. 2004. *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. — СПб.: Питер.

Доклад председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Волоколамского Илариона на V пленуме Христианского межконфессионального консультативного комитета. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4878408.html>).

Дюркгейм Э. 1996. *О разделении общественного труда*. — М.: Канон.

Журавлев Д.В. 2016а. Проблема актуализации ценностных ориентиров в гибридных демократиях: российский пример // *Вестник Российского университета дружбы народов: Политология*. № 3. С. 116—124.

Журавлев Д.В. 2016б. Современные Римско-католическая и Русская православная церкви о справедливости: компаративный анализ ценностных ориентаций // *Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г.* — М.: ВЦИОМ. С. 613—616.

Заявление Межрелигиозного совета России о свободе слова и оскорблении чувств верующих. 2015 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3966511.html>).

Заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи в связи с публикацией официальной позиции ЮНИСЕФ, поддерживающей законодательное признание однополых союзов. 2014 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3883181.html>).

Заявление Службы коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по поводу последних изменений в семейном законодательстве Франции и Великобритании. 2013 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/2655089.html>).

Зыгмонт А.И. 2014. Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 3. С. 117—145.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.

Историк Андрей Зубов: нам нужен свой Нюрнбергский процесс. 2016 // *Znak*. 26.05 (https://www.znak.com/2016-05-26/istorik_andrey_zubov_rossiya_dolzha_proyti_put_denacifikacii_germanii).

Кнорре Б.К. 2014. Трансформация коммуникативного языка в русском православии в контексте постсекулярности: 2011—2013 гг. // *XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам*

развития экономики и общества: В 4-х кн. Кн. 3. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 476—484.

Ковальская К.В. 2014. Русская православная церковь и гендер: дифференциализм или равенство полов? // *Социология религии в обществе позднего модерна: Сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г.* — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». С. 51—57.

Кураев А. 2016. *В церкви невыученных уроков* (<http://diak-kuraev.livejournal.com/1396326.html>).

Мезенцева Е.Б. 2007. Гендерные стереотипы в представлениях православных верующих // *Гендерные стереотипы в современной России.* — М.: Макс Пресс. С. 187—221.

Митрополит Иларион (Алфеев): Сталин был чудовищем, духовным уродом. 2015 // *Православие и мир.* 2.07 (<http://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-alfeev-stalin-byil-chudovishhem-duhovnyim-urodom/>).

Митрополит Иларион выступил с лекцией в американском университете Вилланова. 2012 (<https://mospat.ru/ru/2012/11/01/news74213/>).

Митрохин Н. 2009. Гендерные отношения и Русская православная церковь в современной России // *Гендер для «чайников»-2.* — М.: «Звенья». С. 189—214.

Мусихин Г.И. 2015. Концептуализация политической символизации // *Полис.* № 5. С. 130—144.

«**Мы погубим себя, я смотрю на это с огромным ужасом**» (Интервью с А.Б.Зубовым). 2014 (https://republic.ru/world/politprosvet_zubov-1104578.xhtml).

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2000 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>).

Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 2008 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>).

Слово митрополита Волоколамского Илариона на встрече в честь первой годовщины Гаванской встречи. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4802923.html>).

Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Киргизско-Российском славянском университете в Бишкеке. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4918384.html>).

Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора. 2014 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html>).

Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. 2016 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>).

Созаев В. 2013. Конструирование нормативной модели мужественности в современном консервативном христианстве // Тартаковская И.Н. (ред.) *Способы быть мужчиной: Трансформация маскулинности в XXI веке.* — М.: Звенья. С. 263—278.

Созаев В. (сост.) 2014. *Гомосексуальность и христианство в XXI веке: Сборник статей разных лет.* — СПб.

Состоялось очередное заседание Ученого совета МДА. 2013 (<http://www.mpda.ru/news/text/2027629.html/>)

Хейз М., Джирон Л. 2007. *Современное католическое богословие.* — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.

Чапнин С. 2015. *Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые* (http://chapnin.ru/articles/pravoslavie_v_publichnom_prostranstve_266/).

Шафф Ф. 2011. *История христианской церкви. Т. III: Никейское и посленикеевское христианство.* — СПб.: Библия для всех.

Agadjanian A. 2017. Tradition, Morality and Community: Elaborating Orthodox Identity in Putin's Russia // *Religion, State and Society*. Vol. 45. № 1. P. 39—60.

Aquino M.P. 2012. Theology and Identity in the Context of Globalization // *Oxford Handbook of Feminist Theology.* — Oxford, N.Y.: Oxford University Press. P. 418—440.

Case of Bayev and Others v. Russia. 2017 (<http://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-174422%22%5D%7D>).

Edles L.D. 2013. Contemporary Progressive Christianity and Its Symbolic Ramifications // *Cultural Sociology*. Vol. 7. № 1. P. 3—22.

Eliminating Discrimination against Children and Parents Based on Sexual Orientation and/or Gender Identity. 2014 (https://www.unicef.org/videoaudio/PDFs/Current_Issues_Paper-_Sexual_Identification_Gender_Identity.pdf).

Inglehart R., Norris P. 2003. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World.* — N.Y.: Cambridge University Press.

Knorre B.K. 2016. The Culture of War and Militarization within Political Orthodoxy in the Post-Soviet Region // *Transcultural Studies*. Vol. 12. № 1. P. 15—38.

Michajlov K. 2013. «Propaganda der Sünde»: Die ROK und die sexuellen Minderheiten // *Osteuropa*. Bd 63. № 10. P. 87—98.

Ó Féich P., O'Connell M. 2015. Changes in Roman Catholic Beliefs and Practices in Ireland between 1981 and 2008 and the Emergence of the Liberal Catholic // *Journal of Contemporary Religion*. Vol. 30. № 2. P. 231—247.

Schwartz R. 1997. *The Curse of Cain: the Violent Legacy of Monotheism.* — Chicago: The University of Chicago Press.

Stoeckl K. 2016. The Russian Orthodox Church as Moral Norm Entrepreneur // *Religion, State and Society*. Vol. 44. № 2. P. 132—151.

Zorgdrager H. 2013. Homosexuality and Hypermasculinity in the Public Discourse of the Russian Orthodox Church: an Affect Theoretical Approach // *International Journal of Philosophy and Theology*. Vol. 74. № 3. P. 214—239.

References

- Agadjanian** A. 2017. Tradition, Morality and Community: Elaborating Orthodox Identity in Putin's Russia // *Religion, State and Society*. Vol. 45. № 1. P. 39—60.
- Al'yans** *geteroseksualov za ravnopraviye LGBT prosit provesti proverku gomofobnykh zayavleniy igumena Sergiya (Rybko)*. 2012 (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2012/11/d25917/>).
- Aquino** M.P. 2012. Theology and Identity in the Context of Globalization // *Oxford Handbook of Feminist Theology*. — Oxford, N.Y.: Oxford University Press. P. 418—440.
- Bogachev** M.I. 2014. Sovremennyye Rimsko-katolicheskaya i Russkaya pravoslavnaya tserkvi o svobode i demokratii // *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KHKH veka: Materialy XXIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. CH. 1. — Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet. S. 303—309.
- Case of Bayev and Others v. Russia**. 2017 (<http://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-174422%22%5D%7D>).
- Chapnin** S. 2015. *Pravoslavie v publichnom prostranstve: voyna i nasilie, geroi i svyatye* (http://chapnin.ru/articles/pravoslavie_v_publichnom_prostranstve_266/).
- Doklad** *predsedatelya Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey mitropolita Volokolamskogo Ilariona na V plenumе KХristianskogo mezhkonfessional'nogo konsul'tativnogo komiteta*. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4878408.html>).
- Durkheim** É. 1996. *O razdelenii obshchestvennogo truda*. — M.: Kanon.
- Edles** L.D. 2013. Contemporary Progressive Christianity and Its Symbolic Ramifications // *Cultural Sociology*. Vol. 7. № 1. P. 3—22.
- Eliminating Discrimination against Children and Parents Based on Sexual Orientation and/or Gender Identity**. 2014 (https://www.unicef.org/videoaudio/PDFs/Current_Issues_Paper-_Sexual_Identification_Gender_Identity.pdf).
- Giddens** A. 2004. *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh*. — SPb.: Piter.
- Hayes** M., Gearon L. 2007. *Sovremennoe katolicheskoe bogoslovie*. — M.: Bibleisko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyа.
- Inglehart** R., Norris P. 2003. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World*. — N.Y.: Cambridge University Press.
- Inglehart** R., Welzel C. 2011. *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. — M.: Novoye izdatel'stvo.
- Istoriк** Andrey Zubov: nam nuzhen svoy Nyurnberskiy protsess. 2016 // *Znak*. 26.05 (https://www.znak.com/2016-05-26/istorik_andrey_zubov_rossiya_dolzha_proyti_put_denacifikacii_germanii).
- Knorre** B.K. 2014. Transformatsiya kommunikativnogo yazyka v ruskom pravoslavii v kontekste postsekulyarnosti: 2011—2013 gg. // *XIV Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: V 4-kh kn. Kn. 3*. — M.: Izdatel'skiy dom NIU VSHE. S. 476—484.

Knorre B.K. 2016. The Culture of War and Militarization within Political Orthodoxy in the Post-Soviet Region // *Transcultural Studies*. Vol. 12. № 1. P. 15—38.

Koval'skaya K.V. 2014. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gender: differentsializm ili ravenstvo polov? // *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdne-go moderna: Sbornik statey po materialam chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. NIU «BelGU», 12 sentyabrya 2014 g.* — Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU». S. 51—57.

Kuraev A. 2016. *V tserkvi nevyuchennykh urokov* (<http://diak-kuraev.livejournal.com/1396326.html>).

Mezentseva E.B. 2007. Gendernyye stereotipy v predstavleniyakh pravoslavnykh veruyushchikh // *Gendernyye stereotipy v sovremennoy Rossii*. — M.: Maks Press. S. 187—221.

Michajlov K. 2013. «Propaganda der Sünde»: Die ROK und die sexuellen Minderheiten // *Osteuropa*. Bd 63. № 10. P. 87—98.

Mitrokhin N. 2009. Gendernyye otnosheniya i Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sovremennoy Rossii // *Gender dlya «chaynikov»-2*. — M.: «Zven'ya». S. 189—214.

Mitropolit Ilarion (Alfeev): Stalin byl chudovishchem, dukhovnym urodom. 2015 // *Pravoslavie I mir*. 2.07 (<http://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-alfeev-stalin-byil-chudovishhem-duhovnyim-urodom/>).

Mitropolit Ilarion vystupil s lektsiyey v amerikanskom universitete Villanova. 2012 (<https://mospat.ru/ru/2012/11/01/news74213/>).

Musikhin G.I. 2015. Kontseptualizatsiya politicheskoy simvolizatsii // *Polis*. № 5. C. 130—144.

«**My pogubim sebya, ya smotryu na eto c ogromnym uzhasom**» (Interview s A.B.Zubovym). 2014 (https://republic.ru/world/politprosvet_zubov-1104578.xhtml).

Ó Féich P., O'Connell M. 2015. Changes in Roman Catholic Beliefs and Practices in Ireland between 1981 and 2008 and the Emergence of the Liberal Catholic // *Journal of Contemporary Religion*. Vol. 30. № 2. P. 231—247.

Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2000 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>).

Osnovy ucheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka. 2008 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>).

Schaff Ph. 2011. *Istoriya khristianskoy Tserkvi. T. III: Nikeyskoe i poslenikeyskoe khristianstvo*. — SPb.: Bibliya dlya vsekh.

Schwartz R. 1997. *The Curse of Cain: the Violent Legacy of Monotheism*. — Chicago: The University of Chicago Press.

Slovo mitropolita Volokolamskogo Ilariona na vstreche v chest' pervoy godovshchiny Gavanskoy vstrechi. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4802923.html>).

Slovo Svyateyshego Patriarkha Kirilla na otkrytii XVIII Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. 2014 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html>).

Slovo Svyateyshego Patriarkha Kirilla v Kirgizsko-Rossiyskom slavyanskom universitete v Bishkeke. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4918384.html>).

Sostoyalos' ocherednoye zasedanie Uchenogo soveta MDA. 2013 (<http://www.mpda.ru/news/text/2027629.html>).

Sovmestnoye zayavleniye Papy Rimskogo Frantsiska i Svyateyshego Patriarkha Kirilla. 2016 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>).

Sozayev V. 2013. Konstruirovaniye normativnoy modeli muzhestvennosti v sovremennom konservativnom khristianstve // Tartakovskaya I.N. (ed.) *Sposoby byt' muzhchinoy: Transformatsiya maskulinnosti v XXI veke.* — M.: Zven'ya. S. 263—278.

Sozayev V. (sost.) 2014. *Gomoseksual'nost' i khristianstvo v XXI veke: sbornik statey raznykh let.* — SPb.

Stoeckl K. 2016. The Russian Orthodox Church as Moral Norm Entrepreneur // *Religion, State and Society.* Vol. 44. № 2. P. 132—151.

Vystupleniye predsedatelya OVCS mitropolita Volokolamskogo Ilariona na plenarnom zasedanii Soveta Federatsii. 2017 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/4920021.html>).

Zayavleniye Mezhreligioznogo soveta Rossii o svobode slova i oskorblenii chuvstv veruyushchikh. 2015 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3966511.html>).

Zayavleniye Patriarshey komissii po voprosam sem'i v svyazi s publikatsiyey ofitsial'noy pozitsii UNICEF, podderzhivayushchey zakonodatel'noye priznaniye odnopolykh soyuzov. 2014 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3883181.html>).

Zayavleniye Sluzhby kommunikatsii Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata po povodu poslednikh izmeneniy v semeynom zakonodatel'stve Frantsii i Velikobritanii. 2013 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/2655089.html>).

Zhuravlev D.V. 2016a. Problema aktualizatsii tsennostnykh oriyentirov v gibridnykh demokratiyakh: rossiyskiy primer // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov: Politologiya.* № 3. S. 116—124.

Zhuravlev D.V. 2016b. Sovremennyye Rimsko-katolicheskaya i Russkaya pravoslavnaya tserkvi o spravedlivosti: komparativnyy analiz tsennostnykh oriyentatsiy // *Materialy VI mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii «ZHizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi», 16—17 marta 2016 g.* — M.: VTSIOM. S. 613—616.

Zorgdrager H. 2013. Homosexuality and Hypermasculinity in the Public Discourse of the Russian Orthodox Church: an Affect Theoretical Approach // *International Journal of Philosophy and Theology.* Vol. 74. № 3. P. 214—239.

Zygmont A.I. 2014. Problematika nasiliya v Russkoy pravoslavnoy tserkvi v postsovetskiy period // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom.* № 3. S. 117—145.